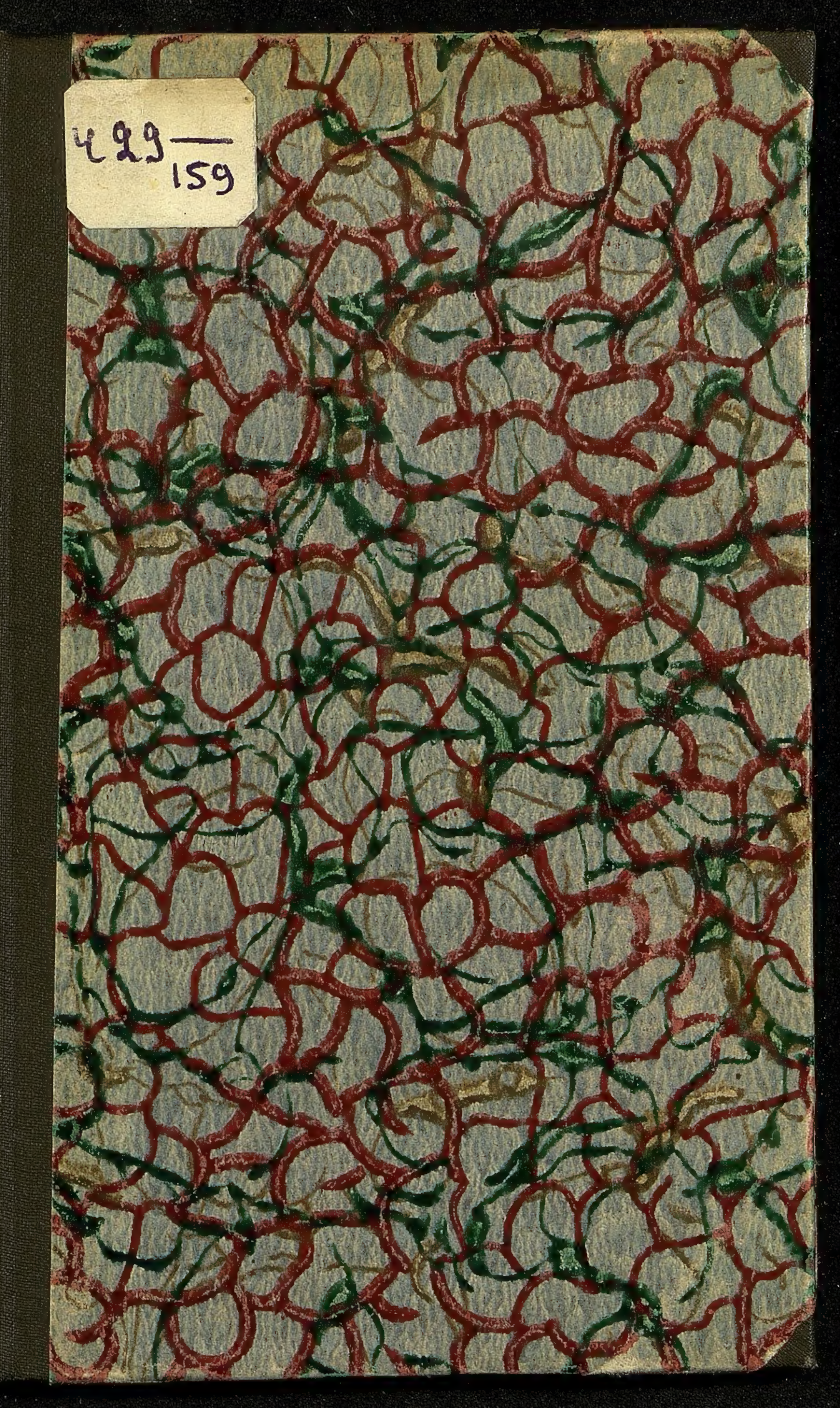
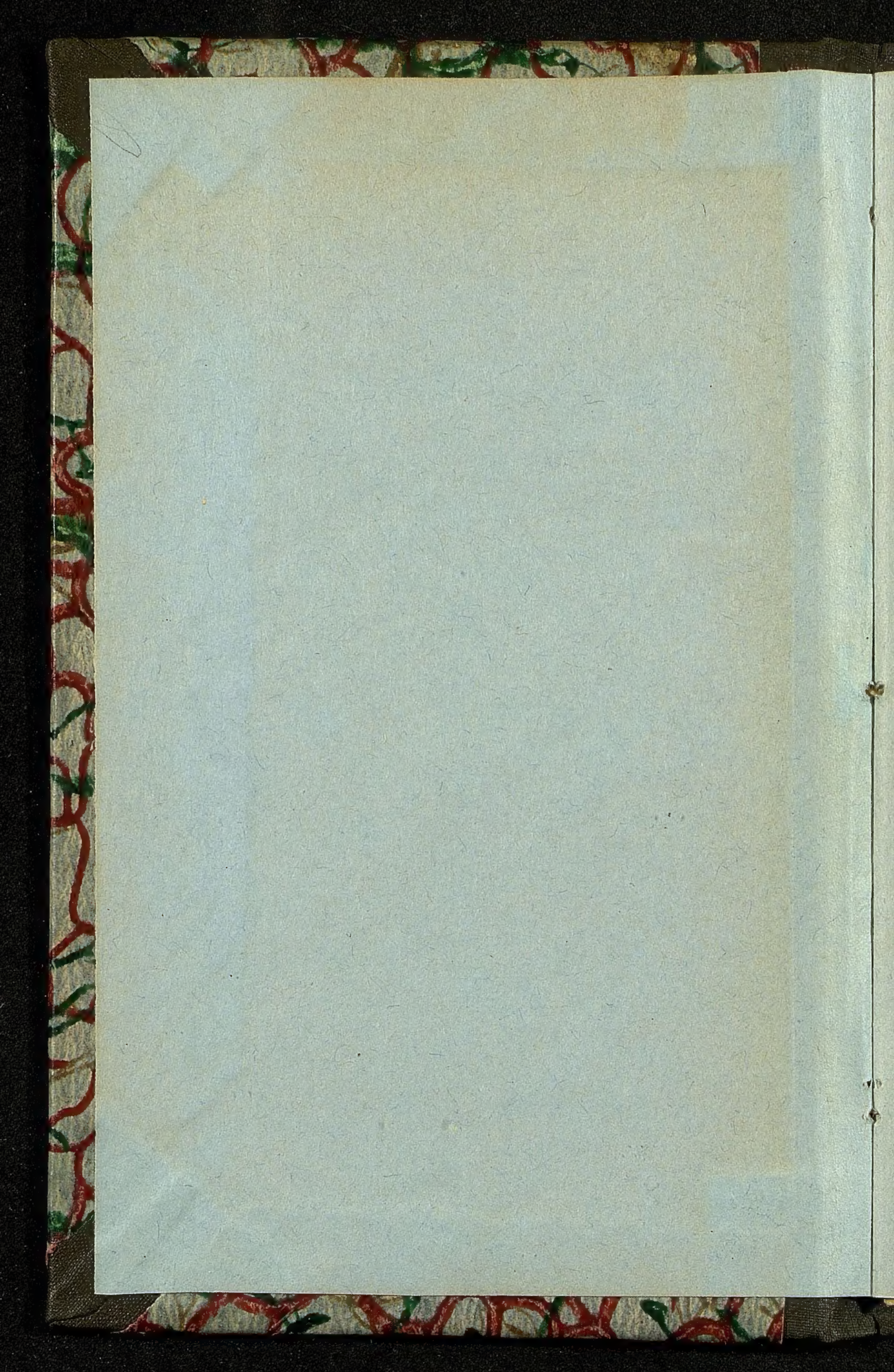
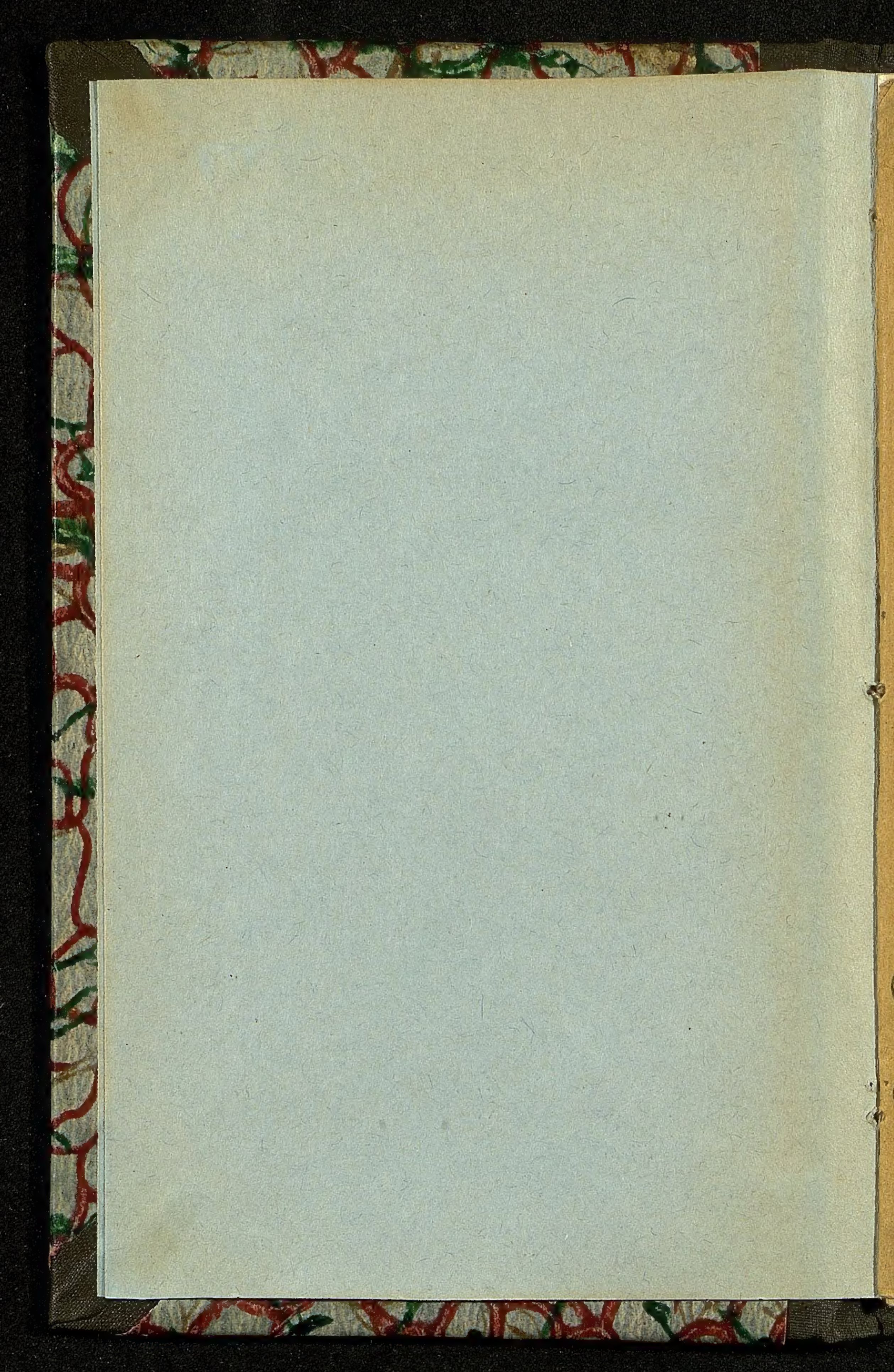

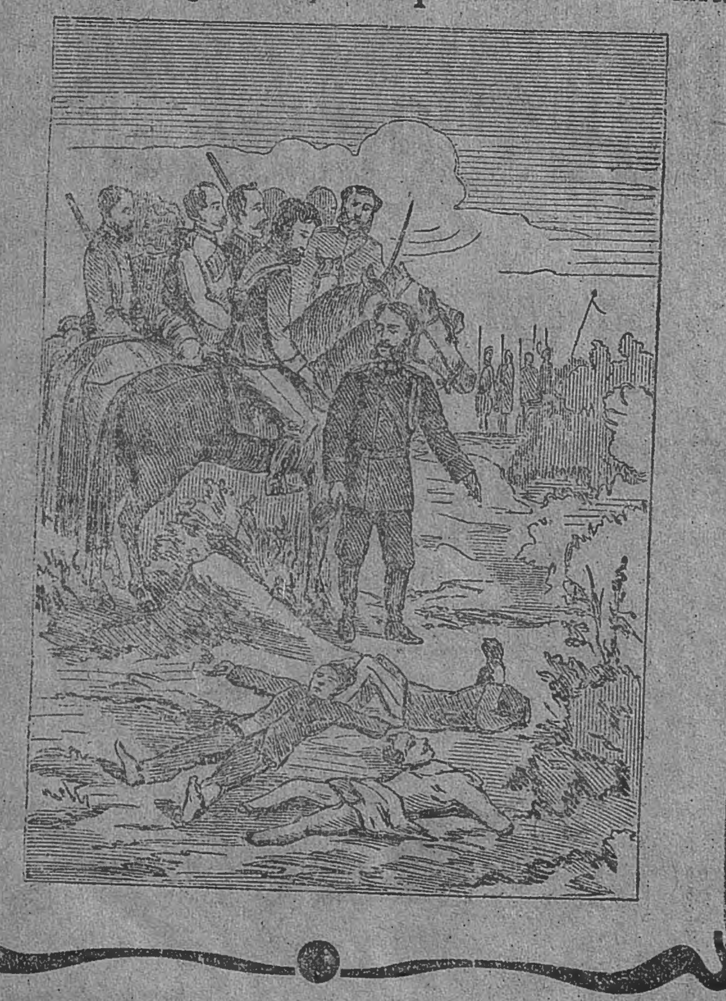

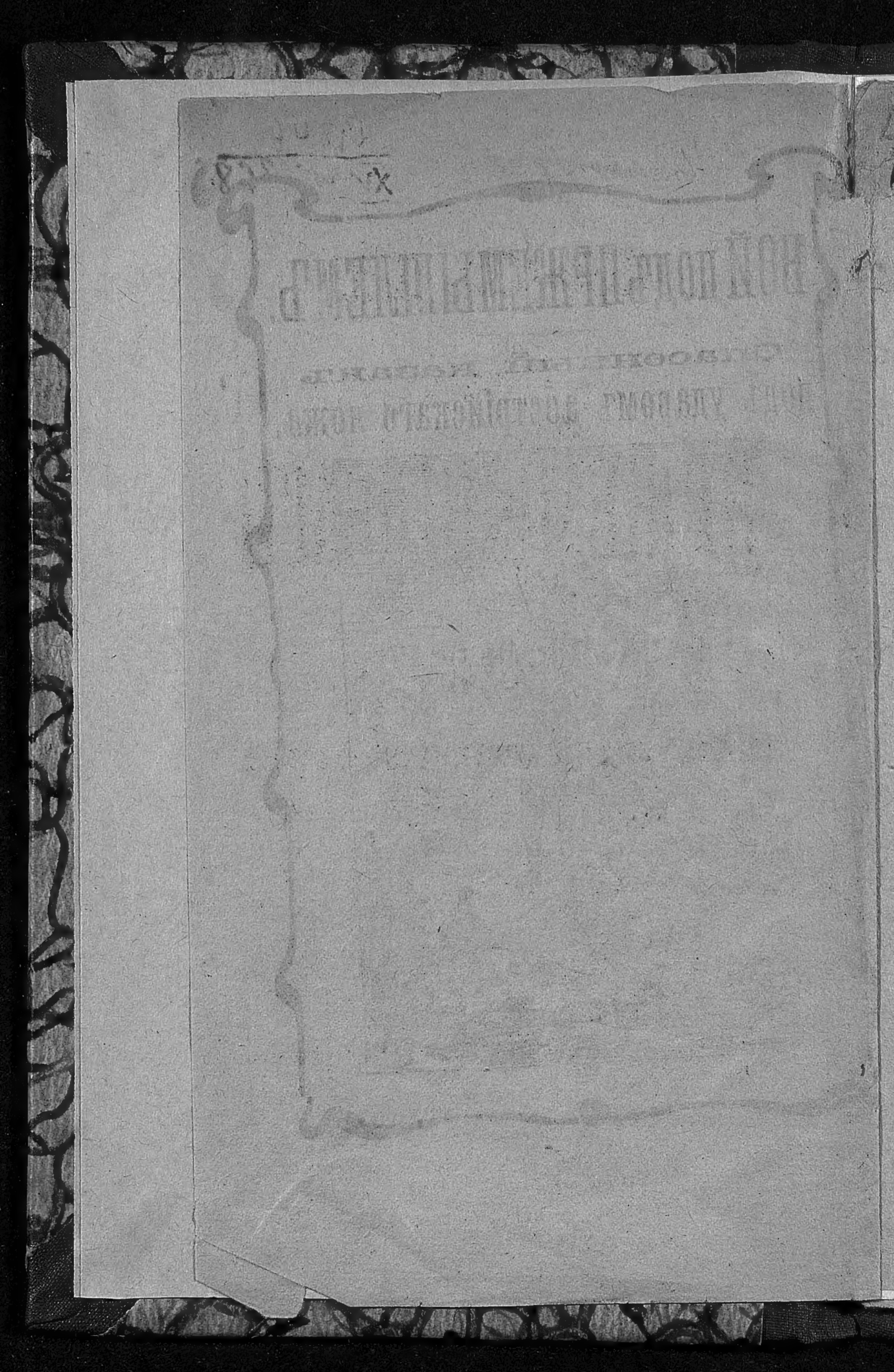

БОЙ ПОДЪ ПРЖЕМЫШЛЕМЪ.

Спасенный казакъ подъ ударомъ австрійскаго ножа.

БОЙ

подъ

ПРЖЕМЫШЛЕМЪ

СПАСЕННЫЙ КАЗАКЪ

подъ ударомъ австрійскаго ножа.

МОС КВА.
Типографія М. Н. ШАРАПОВА. Лефортово, Боровая улица, соб. домъ. Телефонъ 5-13-82
1914.

БОЙ

ПОДЪ ПРЖЕМЫШЛЕМЪ.

СПАСЕННЫЙ КАЗАКЪ

подъ ударомъ австрійскаго ножа.

Поздней ночью наши казаки пошли въ засаду.

Утромъ уже они увидали изъ опушки лѣса на полѣ валявшіеся колеса, зарядные ящики, стаканы отъ шрапнелей и трупы лошадей, все это показывало, что здѣсь происходилъ бой.

Вотъ показались наши пѣхотные полки, одно мгновеніе—и раздался сильный грохотъ и выстрѣлъ изъ орудія, встрепенувшій казаковъ.

Сѣдоусый полковникъ, куря трубку и отплевываясь, выпалилъ крѣпкое словцо и вскочилъ на коня. Съ противоположной австрійской стороны посыпались орудійныя залпы изъ тяжелыхъ орудій.

— Будетъ дѣло! — кто-то крикнулъ изъ рядовъ, но въ это время раздался взрывъ гранаты и заглушилъ сказанное.

Раздалась команда полковника: «на коней!» и казаки подбѣжали къ конямъ.

Теперь было уже не до смѣха, всѣ стали суровы и только у казаковъ шевелило чубы вѣтромъ. Командиры сотенъ были на мѣстахъ. Передовая шеренга взяла по плечу плавно наперевѣсъ пики.

— Полкъ сотнями! Правое плечо впередъ!—прокричалъ командиръ.

Заблестѣли на солнцѣ винтовки, замахали добрыми мордами кровные дончики, помахивая гривами и фыркая, и

сотни одна за другой пошли обратно къ опушкѣ лѣса. У окраины лѣса сняли дозоръ и растянулись во всю ширину фронта, застывши въ нѣмомъ ожиданіи и глядя между березами на картину страшнаго боя.

Шипѣнье снарядовъ, разрывъ картечи и жужжанье пуль, какъ шмелей, приводило въ необычайное положеніе.

Прямо у лѣса уходили куда-то наши стрѣлки, на ходу подбиравшіе своихъ раненыхъ товарищей, а впередъ наступали австрійскія колонны съ винтовками-ножами вмѣсто штыка.

Откуда-то карьеромъ вылетѣлъ полкъ нашихъ драгунъ съ поднятыми шашками и врубился въ австрійскую колонну.

Вопль и стонъ поднялся въ рядахъ австрійцевъ и послышался лязгъ отъ сабельныхъ ударовъ. Ряды австрійцевъ замѣтно стали рѣдѣть и они отошли подъ защиту окоповъ.

Но вотъ затрещали по нашимъ драгунамъ пулеметы; разстроенныя, сбитыя и усталыя кони и драгуны увидѣли летящихъ на нихъ венгерскихъ гусаръ.

Словно голубая волна накатилась на нихъ въ своихъ голубыхъ мундирахъ и блестящихъ каскахъ на хорошихъ лошадяхъ. Екнуло сердечко у нашихъ казаковъ при видѣ блестящихъ австрійскихъ гусаръ, ихъ численнаго превосходства, да еще золотыя каски, блестящія на солнцѣ, загорѣлись и у нихъ глаза огнемъ радости и взыграла душа, и пики, какъ лѣсъ, склонились стальною щетиной.

Усачъ полковникъ взмахнулъ кривой саблей и весь полкъ застоналъ какъ одинъ отъ не терпѣнья, ожидая приказа кинуться въ битву.

— Гайда! ги-ги-и-и! — понеслось по опушкѣ лѣса.

Ги-ги!--раздалось могучіе эхо сыновъ Дона и раскатилось оно по рядамъ венгерскихъ гусаръ.

Стонетъ мать земля. А блестящія каски дождемъ катятся съ коней на землю, снесенныя вѣрными пиками. Вотъ и вторая шеренга сѣчетъ и рубитъ голубыя мундиры съ тыла и фланга и съ обо-

ихъ боковъ блестящую конницу венгровъ.

Врѣзался глубже всѣхъ съ калмыцкимъ лицомъ Анавдиновъ Волкомъ кружится въ стаѣ псовъ, забывъ про шашку, лупитъ налѣво и направо казацкой плеткой, порвавъ ею много мундировъ и спинъ. И тутъ же поспѣвалъ за нимъ эсаулъ Краснояровъ, рубя гусаръ, какъ капусту въ казацкій борщъ, своей черкеской шашкой, прокладывая дорогу къ венгерскому штандарту.

Тутъ же усачъ-полковникъ, окруженный десяткомъ лихихъ казаковъ, расправлялъ свои руки, рубя безъ пощады, разрубивъ щеку еще одному гусару, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ и положивъ ихъ поперекъ сѣделъ, поѣхали къ мѣсту своей стоянки.

Стало темно. Поле такъ и осталось не убраннымъ отъ убитыхъ и раненыхъ.

Кругомъ жуткая тишина. Вотъ между убитыми очнулся казакъ эсаулъ Краснояровъ, оглядѣлся, а самого такъ и

трясетъ, кое-какъ развернулъ шинель и одѣлся, раны мучаютъ и думаетъ онъ, какъ далеко его тихій Донъ, какъ далеко его родной домъ и гдѣ-то его неразлучный конь!

Ахъ, жена и дѣтки! Посмотрѣли бы вы на меня, на какой широкой постели сейчасъ лежу я, а кругомъ меня всѣ спятъ непробуднымъ сномъ.

Только вѣтеръ голоситъ попавшимъ на полѣ брани свою заунывную панихиду.

Вотъ слышитъ Краснояровъ, какъ съ него кто-то тащитъ шинель. Присмотрѣвшись, онъ увидалъ лежащаго рядомъ съ нимъ венгерскаго гусара съ разрубленнымъ лицомъ. Прижавшись другъ къ другу ближе, одѣлся онъ съ нимъ одной шинелью и, накрывшись съ головами, говоритъ ему: «чай, дома-то дѣтишки есть?» Ничего не понялъ у него венгерскій гусаръ, а только въ отвѣтъ кивнулъ головой и только слышно было одно біеніе его сердца.

«Ишь, какъ испортило всю физіоно-

мiю», посмотрѣвъ на разрубленное лицо отъ носа и до уха, промолвилъ Илья Краснояровъ, пожалѣлъ его, похлопавъ его своей рукой по плечу, какъ будто родней его ни кого не было на свѣтѣ у него, тотъ посмотрѣлъ на него и тяжело вздохнулъ со стономъ.

— Потерпи немножко, придутъ санитары, возьмутъ и отправятъ въ госпиталь, а тамъ живо починятъ тебѣ лицо, то-то будетъ тепло.

Казакъ замолчалъ и поправилъ шинель на венгерцѣ.

Вдругъ Красноярову послышалось, что кто-то идетъ. Онъ откинулъ шинель, приподнялся на локти и посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда слышались шаги.

Увидѣвъ человѣка, шедшаго съ зажженымъ фонаремъ, сердце у Ильи забилось отъ радости и онъ закричалъ:

— Идите сюда, здѣсь есть живые!

И фонарь направился прямо на нихъ.

О, ужасъ! Къ нимъ шли два австрійца.

Краснояровъ такъ и застылъ и холодный потъ покрылъ его широкій лобъ.

— Создатель, спаси и сохрани!—промолвилъ про себя Илья.

Подойдя къ раненымъ, австрійцы увидали казака и стали кричать:

— Кашланъ, кашланъ!

Потомъ, постоявъ около ихъ немного, они оба отошли поодаль и стали о чемъ-то тихо говорить между собой.

Илья уже думалъ, что пришелъ его конецъ и не увидать ему больше своего родного Дона.

Въ это время поднялся на локтяхъ раненый гусаръ и хотѣлъ имъ что-то сказать, но кровь фонтаномъ хлынула у него изо рта и они, не обративъ на него никакого вниманія, подошли къ Ильѣ.

Тотъ, который былъ съ фонаремъ,

замахнулся на Илью острымъ штыковымъ ножемъ.

Илья замеръ и, закрывшись шинелью, зашепталъ:

— Боже! Прощайте!..

Минута и вдругъ надъ ухомъ казака прогремѣли одинъ за однимъ два сухихъ выстрѣла и что-то мягкое упало прямо на Илью.

Открывъ шинель, онъ увидалъ въ рукахъ раненаго сосѣда револьверъ, а обоихъ австрійцевъ убитыми.

«Что же это? Своя своихъ!..»—проговорилъ Краснояровъ и, съ молчаливой благодарностью взглянувъ на своего врага, который спасъ ему жизнь, горько заплакалъ.

Скоро ихъ обоихъ подобрали наши санитары К. полевого лазарета, сдѣлали перевязку, положили обоихъ въ фургонъ и отправили чинится, какъ сказалъ Илья, въ одинъ изъ оборудованныхъ въ центральной Россіи госпиталей.

Такъ раны сблизили двухъ враговъ. Дай Богъ этимъ врагамъ скораго выздоровленія, да и на свои родныя поля.

Таковъ удѣлъ войны.

Ахъ.

Склад изданія:

Москва, Солянка, торг. д. В. А. СИЗЯКОВЪ и К

